УДК 327

DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(3).151-159

Российско-китайское партнерство образца 2021 года: глобальные, региональные и двусторонние измерения

С.Г. Лузянин

Национально-исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,

г. Москва, Российская Федерация

Дата поступления: 01.09.2021 Дата принятия к печати: 29.11.2021 Дата онлайн-размещения: 29.12.2021

Аннотация. В статье рассматриваются глобальные, региональные и двусторонние аспекты современного российско-китайского стратегического партнерства, включая сильные стороны и существующие недостатки. Анализируются возможности Договора «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве», которому в этом году исполнилось 20 лет, а также российско-китайские измерения в Большой Евразии, сложности и проблемы процессов сопряжения и Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС). Освещены положительные и сдерживающие факторы дальнейшего развития Организации. Рассмотрена проблематика российско-китайской кооперации на сибирско-дальневосточном направлении, освещены отдельные сложности инвестиционных и инфраструктурных проектов. Отмечается, что китайское видение российских дальневосточных регионов не всегда совпадает с российским. Важно, опираясь на политическую волю и взаимное доверие, откровенно и объективно обсуждать все чувствительные «моменты» и противоречия.

Ключевые слова. Россия и Китай, стратегическое партнерство, договор, Большая Евразия, ШОС, Дальний Восток, трансграничное сотрудничество.

2021年模式的俄中伙伴关系:全球性的、地区性的、双边的等层次

S.G. Luzyanin

俄罗斯国立研究大学高等经济学; 院莫斯科国立国际关系学院俄联邦 外交部直属大学 莫斯科,俄罗斯联邦

结稿日期:2021年09月1日 出版日期:2021年11月29日 网上出版日期: 2021年12月29日 摘要:本文主要研究现代俄中伙伴关系的全球性的、地区性的、双边的等层次,包括其长处与存在的短处。对今年20年签署周岁的"睦邻友好合作条约"的潜力进行分析,以及对俄中关系在"大欧亚"战略、在结合过程中所遇到的难题和上海合作组织现存的难题进行分析。本文阐明上海合作组织进一步的发展的积极因素和阻碍的因素的问题,探究俄中合作在西伯利亚远东方向的问题,以及投资方案和基础设施项目的问题。作者指出中俄两方在俄罗斯远东地区的远景方面有所不同,需要依靠政治意愿和互相信任,坦率地、客观地来谈论敏感的问题和矛盾。

关键词:俄罗斯与中国,战略伙伴关系,条约,"大欧亚"战略,上海合作组织,远东,跨界合作。

© Лузянин С.Г., 2021

Russia-China Partnership 2021: Global, Regional and Bilateral Dimensions

S.G. Luzyanin

National Research University "Higher School of Economics"; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,

Moscow, Russian Federation

Received: 2021 September 1 Accepted: 2021 November 29 Available online: 2021 December 29

Abstract. The article is dedicated to the global, regional and bilateral aspects of the current Russian-Chinese strategic partnership, including its strengths and existing weaknesses. The author analyses potentialities of the Treaty on Good Neighborliness and Friendly Cooperation between the People's Republic of China and the Russian Federation, which celebrated its 20th anniversary this year, as well as the Russian-Chinese dimensions in Greater Eurasia, including the complexities and problems of the conjugation processes and the Shanghai Cooperation Organization (SCO). The author describes positive and constraining factors for the further development of the Organization. The article describes the problems of Russia-China cooperation with regard to Siberia and the Far East, including some difficulties of investment and infrastructure projects. It is being noted that the Chinese vision of the Russian Far Eastern regions does not always coincide with the Russian one. It is important, relying on political will and mutual trust, to frankly and objectively discuss all sensitive issues and contradictions.

Keywords. Russia and China, strategic partnership, treaty, Greater Eurasia, the Shanghai Cooperation Organization, SCO, the Far East, cross-border cooperation.

Введение. Основой российско-китайского сотрудничества является прочное и глубокое стратегическое партнерство, которое в настоящее время переживает серьезную трансформацию в плане его углубления и выхода на новый более высокий качественный уровень. Причины подобной эволюции связаны как с внутренними экономическими и культурно-цивилизационными факторами сближения наших государств и народов, так и с внешними причинами, необходимостью развития многополярности, сохранением глобальной и региональной безопасности, отстаиванием своего суверенитета, территориальной целостности и права на невмешательство во внутренние дела. В статье предпринята попытка проанализировать российско-китайский тип партнерских отношений образца 2021 г., возможности и трудности их дальнейшего развития, рассмотреть евразийское измерение в формате складывающегося сопряжения, ключевые аспекты Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), а также отдельные сибирско-дальневосточные сюжеты в контексте общего поворота России на Восток.

Двадцатилетие Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Классическое партнерство или «полусоюзнические» отношения?

Базовые принципы российско-китайского стратегического партнерства были зафикси-

рованы в «Большом договоре» России и Китая 16 июля 2001 г., позволившем сформировать долговременный баланс интересов и сохранить свободу в отношениях с третьими государствами. 16 июля 2021 г. исполнилось 20 лет с момента его подписания. Очевидно, что продление договора позволит не только подтвердить, проверенные временем принципы и приоритеты, но и расширить сферы двустороннего, регионального и глобального сотрудничества России и Китая, более эффективно адаптировать российско-китайским тандем к новым вызовам и угрозам.

Внешние вызовы и угрозы объективно работают на дальнейшее сближение двух стран, включая возможность создания военного союза. Выступая 22 октября 2020 г. на XVII ежегодном заседании дискуссионного клуба Валдай президент РФ В.В. Путин характеризуя возможность создания такого союза, сказал, что стороны «...всегда исходили из того, что наши отношения достигли такой степени взаимодействия и доверия, что мы в этом не нуждаемся, но теоретически вполне можно себе такое представить»¹.

Очевидно, что в правящих элитах России и Китая существует «запасной» вариант военно-политического сближения на случай форс-ма-

 $^{^{1}}$ Заседание дискуссионного клуба Валдай. Выступление В.В.Путина. 22 октября 2020. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/64261

жорных обстоятельств, предполагающий подобную формализацию отношений. При этом, эксперты двух стран согласны в том, что с учетом возросших угроз необходима редакция ряда статей договора 2001 г. в плане их расширения и конкретизации. В частности, речь идет о ст. 9, в которой предусматриваются «...консультации в целях устранения возникшей угрозы» для одной и или двум договаривающимся сторонам². Видимо, необходима модернизация и уточнение ключевых понятий и терминов, их расширительное толкование.

Современная эпоха диктует новые формы двусторонней военно-политической кооперации. Учитывая высокий уровень взаимного доверия и военно-технического сотрудничества, между Россией и Китаем такой неформализованный союз уже состоялся и создание официального военного союза, может быть только в случае реальной военной агрессии со стороны США или их союзников против одной или одновременно двух держав.

За двадцать лет действия договора он выполнил свою задачу и его продление является необходимым для сохранения и углубления достигнутых двумя государствами больших результатов.

Россия и Китай давно вышли за рамки двусторонних форматов и являются государствами, формирующими повестку обновления «неамериканского мира». С китайской стороны новое качество двустороннего партнерства выразилось в изменении его классических постулатов. Если до 2021 г. Китай официально придерживался трех принципов, оформленных как «три нет»: 1) не вступать в союз, 2) не создавать конфронтацию, 3) не ориентироваться на третьи страны в ущерб каждой из двух. В настоящее время в КНР официально фигурирует новая версия: 1) стратегическому партнерству нет конца, 2) нет запретных тем, 3) нет высшей ограничительной планки [1]. Смысл последнего «нет» чисто теоретически открывает варианты переформатирования договора «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» 2001 г. в союзнический.

В основе кооперации двух государств по глобальной повестке лежит совпадение коренных национальных интересов России и Китая в сфере глобальной безопасности, общего видения мироустройства, роли ведущих институтов глобального управления (СБ ООН), учета новых мировых тенденций, связанных с гибким и многовариантным поиском Россией и Китаем опти-

мальных форматов в открывающемся спектре между старой «классической биполярностью» и формирующейся новой многополярностью. Оба государства применяют разные инструменты, — от координации голосований в ООН по проектам резолюций, постановлений, деятельности миротворческих миссий, до совместных инвестиционных, торгово-экономических, энергетических и иных проектов в странах, регионах и международных структурах.

Двусторонние российско-китайские отношения базируются на поддержании высокого уровня интенсивности и многообразия политических, экономических и гуманитарных контактов друг с другом; позиционировании на мировой арене в качестве самодостаточных и влиятельных центров силы; быстрой адаптации партнерства под решение практически любой глобальной или региональной задачи. Это означает, что российско-китайская модель образца — 2021, несмотря на отрицательное влияние пандемии коронавируса, сохраняет гибкость, способность сочетать тактические и стратегические выгоды и возможности партнерства.

Географические рамки международного регионального взаимодействия охватывают как отдельные страны Латинской Америки, Африки, Ближнего и Среднего Востока, так и регионы Центральной, Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, включая арктическую зону. Специфика кооперации в евразийской зоне связана с более полным и системным взаимодействием, в то время как в более отдаленных континентах сотрудничество носит выборочный, точечный характер.

Проблемой для России в области двусторонних торгово-экономических отношений является характер торговли. Россия, начиная с начала 2000-х годов пыталась изменить структуру сырьевой торговли, увеличить сектор совместных производств, привлечь китайские инвестиции в сферы высоких технологий. Китай же рассматривал российские территории в основном как источник энергетических и сырьевых ресурсов.

В китайской экспертной лексике появилось выражение: «Горячо вверху, но холодно внизу», что означает несоответствие объемов и качества двусторонних экономических отношений высокому политическому формату российско-китайского стратегического партнерства. Эта модель в основном сохраняется в настоящее время, что является одним из препятствий для дальнейшего сбалансированного и гармоничного развития. Перед обеими сторонами

 $^{^2}$ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР // Российская газета. 2001. 17 июля.

стоит сложная и долговременная задача постепенного преобразования этой асимметричной структуры, которую можно решать, в том числе, на торгово-инвестиционных и инфраструктурных треках, включая кооперацию в сфере инновационных высоких технологий. Важным средством выравнивания остается большой политический ресурс обеих сторон. «Горячий верх» может и должен подтягивать «холодный низ».

О российско-китайском сопряжении в Большой Евразии. Где торможение?

Очевидно, что между политической частью сопряжения, сформулированной российским президентом В.В.Путиным и китайским председателем Си Цзиньпином 8 мая 2015 г. в совместном заявлении о сопряжении ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути и его экспертным и экономико-технологическим наполнением сохраняется значительная дистанция. В 2017-2018 гг. был подписан ряд соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем. Частично разрыв начал сокращаться, однако проблема наполнения практической повестки сопряжения конкретными проектами осталась. Несмотря на высокий уровень стратегического партнерства и взаимного доверия между Россией и Китаем, процесс тормозился рядом объективных препятствий и нестыковок.

Основная причина кроется, на наш взгляд, в нарастании общей экономико-технологической асимметрии российского и китайского потенциалов, которая в свою очередь порождает определенное торможение процесса сопряжения. Среди российских экспертов сразу после выдвижения китайским руководителем в 2013 г. в Астане инициативы Экономического Пояса Шелкового Пути, сложились различные мнения относительно перспектив развития китайской инициативы, возможностей и эффекта российского участия, включая позитивные и негативные результаты. Одновременно, в среде отдельных китайских ученых циркулировали мнения о том, что ЕАЭС не достаточно эффективная Организация для реализации китайской инициативы, что лучше вести дело исключительно на двусторонних центрально-азиатских треках, продвигая транспортные и иные проекты [2].

С другой стороны, формируется и позитивная часть российско-китайской базы сопряжения, обусловленная возможностью эффективного использования экономико-инвестиционных ресурсов Китая, сформировавшейся в последние два-три года гибкой позицией и пониманием Пе-

кином чувствительных для Москвы вопросов, которая не наблюдалась в китайском руководстве еще в 2013-2017 гг., сразу после официального запуска проекта Пояса и Пути. Возможно, подобная эволюция была вызвана ужесточением китайско-американских отношений и необходимостью для Китая активнее идти на уступки и компромиссы с Россией, возможно и другими причинами. В любом случае на текущий период мы имеем небольшой набор возможностей, подкрепленных реальными активами.

Проблемная часть сопряжения в основном концентрируется вокруг односторонней направленности китайских транспортных коридоров, идущих в основном через Центральную Азию, минуя российскую территорию (до Урала), концентрации Китая на двусторонних договорах и контрактах с экономически слабыми центрально-азиатскими партнерами (Киргизией и Таджикистаном), незначительном количестве высокотехнологических и инвестиционных российско-китайских проектов в рамках сопряжения.

Российско-китайские аспекты ШОС. Что способствует, а что препятствует развитию Организации?

ШОС-овский компонент Евразии с учетом расширения состава Организации, усиления российско-американской и китайско-американской конфронтации, обрушившейся пандемии и других факторов находится в стадии постоянного развития. На евразийском треке ШОС многое будет зависеть от состояния российско-китайского партнерства. Очевидно, что отдельные (экономические, гуманитарные) программы ШОС вполне способны дополнять или кооперироваться с программами китайского Пояса и Пути. Учитывая, что Россия и Китай — неофициальное ядро, основа Организации, какая-то часть повестки сопряжения вполне может быть реализована, как в рамках ШОС, так и в рамках двустороннего российского-китайского взаимодействия.

15 июня 2021 г. исполнилось 20 лет со дня образования Организации. Очевидно, что за этот период она, пройдя путь становления, приобрела опыт, добилась существенных результатов, но и столкнулась с рядом вызовов, проблем и препятствий. Можно выделить пять плюсов и четыре минуса в развитии ШОС в настоящее время.

Первый позитивный вклад — борьба ШОС с трансграничной преступностью, наркотрафиком, религиозным сепаратизмом и экстремиз-

мом (в китайской терминологии — «три зла») в регионе Центральной Азии и на сопредельных территориях. В условиях выхода США из Афганистана и усиления контроля со стороны талибов над всей территорией страны, их выходом к северным границам с Узбекистаном и Таджикистаном, это направление становится особенно актуальным для национальной безопасности наших стран.

Организация еще на этапе существования «Шанхайской пятерки» (РФ, КНР, Казахстан, Таджикистан и Кыргызстан) в 1996-2001 гг. начала процесса институализации и укрепления мер доверия в районах общих границ с Китаем. После 2001 г. он перерос в полномасштабное противодействие экстремизму всех мастей, идущему как с соседнего Афганистана, так и с Ближнего Востока, особенно после обострения ситуации в Сирии. В рамках ШОС создана Региональная Антитеррористическая Структура (РАТС) с оперативными подразделениями, регулярно проводятся совместные коллективные и двусторонние (российско-китайские) военные учения и др.

Второй позитивный фактор — базовая идея Организации (Хартия и Устав ШОС), по которой, ШОС, не являясь военно-политическим союзом/ блоком, вбирает отдельные элементы как союзнических отношений, так и открытых организаций, совещаний, что позволяет ей избегать жестких взаимных обязательств в отношениях с третьими странами, сохраняя гибкий и мобильный статус. На равенство малых и больших членов Организации работает и заложенный «отцами — основателями» принцип обязательного консенсуса при принятии решений, который автоматически снимает отдельные опасения слабых государств относительно сильных — России и Китая.

Третий аспект этого конструктивного ряда — торгово-экономическое сотрудничество. Создан Деловой Совет и Межбанковское объединение (МБО), координирующие кооперацию крупного государственного и частного бизнеса государств. Активно продвигается подготовка новой стратегии объединения о финансировании и внедрении «зеленых» технологий в экономику стран ШОС. Подписание новой стратегии планируется осенью 2021 г. в рамках заседания межбанковского объединения с участием глав ведущих банков. Реализуется финансирование приоритетных проектов по преодолению последствий пандемии коронавируса COVID-19, важное значение уделяется увеличению объе-

мов торговли в национальных валютах. Активно используются гигантские инвестиционные, торговые и транспортные возможности Китая, который продвигает через регион Центральной Азии свою мега-инициативу «Один Пояс и Один Путь».

Четвертый положительный фактор — гуманитарное сотрудничество в плане сближения культур и цивилизаций шанхайского сообщества, развития кооперации в области образования и науки. Создан и успешно развивается сетевой Университет ШОС, сотни совместных научных проектов в естественных, технических, информационно-цифровых, медико-биологических и гуманитарных сферах.

И пятый конструктивный фактор — сформировавшаяся вертикальная ось ШОС. Верхний уровень - «постоянные члены» (КНР, РФ, Индия, Пакистан, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан), средний — «наблюдатели» (Иран, Монголия, Афганистан, Белоруссия) и нижний уровень — «партнеры по диалогу» (Турция, Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал, Шри Ланка). Сложившаяся структура позволяет позиционировать Организацию одновременно, и как региональную (центрально-азиатскую), и как евразийскую, и как глобальную структуру, официально зарегистрированную в ООН. Каждый этаж отражает определенный уровень полномочий и представительства, все вместе они, фактически, представляют сложный и многообразный мир и стремление к многополярности. Переход в 2017 г. государств-наблюдателей Индии и Пакистана в «высшую лигу» постоянных членов усилил евразийскую и глобальную составляющую ШОС, имеющую в своем составе 4 ядерных державы и ведущие мировые экономики. Переход Монголии и Ирана в группу постоянных членов также теоретически усилил бы ресурсы ШОС.

Вместе с тем, Организация сталкивается с рядом препятствий и проблем. Выделим пока четыре.

Первый, — китайско-индийские противоречия, которые объективно консервируют ряд важных проектов и инициатив, в которых участвует Китай. Известна сдержанная позиция Нью Дели к инициативе Пекина «Один Пояс и Один Путь», что также не способствует укреплению кооперации в сфере реализации инфраструктурных проектов Организации.

Второй, — проблема отставания многостороннего экономического сотрудничества от дорожки безопасности, которая развивается более эффективно. Причины экономического

торможения обусловлены как объективными факторами — разностью экономических потенциалов Китая и государств Центральной Азии, так и наличием определенных субъективных и административных препятствий. С этими причинами отчасти связано отсутствие Банка Развития и Фонда Развития (специальный счет) ШОС.

Третий, — концептуальный вызов ШОС. На наш взгляд, наблюдается некоторая консервация структуры, отсутствие новых, прорывных идей ее дальнейшего развития. Очевидно, что в 2001 г., когда она создавалась была одна эпоха. К 2021 г. сложилось новое, радикально отличающееся от того время. За 20 лет изменилось все — характер международных отношений («холодная война». 2.0), экономика, включая роль цифровых, он-лайновых технологий, пандемические вызовы и пр. На какую-то часть реалий ШОС организационно и идеологически реагирует, но многие вопросы пока остаются без ответа, их разработка — это задача экспертной дорожки ШОС. По всем ключевым трекам (безопасность, экономическое и гуманитарное сотрудничество) нужны новые подходы и обновленное видение.

Четвертый сдерживающий фактор, — отсутствие зоны свободной торговли (ЗСТ) ШОС, на которой настаивает Китай. Очевидно, что в этой проблеме есть две альтернативных составляющих. С одной стороны, формирование интеграционного пространства ШОС может деформировать слабые центрально-азиатские национальные модели, усилить общую экономическую асимметрию в сторону КНР. К тому же аналогичная задача — интеграция части постсоветского пространства, стоит и перед Евразийским Экономическим Союзом (ЕАЭС), куда, как известно, не входит Китай.

С другой стороны, игнорировать этот проект нельзя, поскольку интеграционные (региональные) процессы — это необходимый фактор развития и кооперации, который уже давно апробируют другие региональные структуры. В настоящее время экономически (в плане стоимости рабочей силы, структуры производства и пр.) Китай иной и создание ЗСТ в рамках ШОС может принести не только вызовы, но и возможности.

Очевидно, что список позитивного и проблемного ряда Организации можно продолжить. Хорошо, что аргументы и возможности «за» пока перевешивают существующие препятствия. 20-летие ШОС — это не только юбилей, но и начало нового этапа, поиск новых идей и новых подходов.

Российский поворот на Восток. Сибирскодальневосточное измерение российскокитайского партнерства

В первом десятилетии 2000-х гг. в РФ и КНР активно разрабатывалась евразийская тематика, включая обсуждение идеи «Поворота России на Восток» и вариантов повестки взаимодействия Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с Китаем. Для Сибири и Дальнего Востока это означало, что в рамках «поворота» и «сопряжения» этот регион для российского федерального центра и крупного бизнеса не только становится расширенным «окном» в Китай и другие страны Азиатско-тихоокеанского региона (АТР), но и приоритетным местом приложения инвестиционных, транспортных, социальных и гуманитарно-образовательных усилий и ресурсов.

Долгое время жителями Сибири и Дальнего Востока «поворот» воспринимался достаточно формально, как очередная кампания центра, заинтересованного в реализации углеводородных мега проектов, направленных в Китай, идущих «поверх», а не «вглубь» их дальневосточных территорий. Сохранялось ощущение оторванности от европейской России. Идея В.В. Путина, озвученная на заседании правительства 23 декабря 2020 г. о необходимости «инфраструктурно сшивать огромную территорию» Дальнего Востока и центральных районов России через реализацию местных региональных проектов³, фактически, положили начало переосмыслению «поворота» через расширение внутренних транспортных и других жизненно необходимых для людей возможностей. С определенными трудностями, но постепенно происходит социально-экономическое смещение центра на Восток России, что и является, на наш взгляд, одним из ключевых внутрироссийских проявлений «восточного поворота».

Для Китая «сопряжение» и «поворот» ассоциируются с дополнительными возможностями не только освоения Евразии, но и создания новых транспортных и инвестиционных «стыковок» по всей линии совместной границы, включая ее дальневосточный участок.

В Китае при разработке вопросов трансформации и диверсификации российско-китайских региональных связей, в особенности курса на отход от традиционной привязки к импорту российского круглого леса, китайские компа-

³ Путин заявил, что необходимо "инфраструктурно сшивать" огромную территорию России. URL: https://tass.ru/ekonomika/10335109/amp.

нии сталкиваются с серьезным внутренним противодействием отдельных бизнес-групп, заинтересованных в сохранении старых схем и моделей. Очевидно, что такое обновление и эволюция трансрегионального бизнеса чрезвычайно болезненна для части китайских предпринимателей Северо-Восточного Китая, особенно провинций Цзилинь и Хэйлунцзян, в которых десятилетиями складывалась деревообрабатывающая и бумажно-целлюлозная промышленность, работающая исключительно на российском сырье.

Пандемические реалии и введение ряда ограничений на экспорт российского необработанного леса, явно очищают Сибирь и Дальний Восток от теневого, полукриминального российско-китайского сегмента, особенно в таких сферах, как лесозаготовки, экспорт лесных богатств, минеральных ресурсов и сельского хозяйства. Выяснилось, что пандемия заставила дальневосточные регионы в отдельных секторах обходится без китайских капиталов и ее рабочей силы, поскольку многое нашлось и без Китая в самой России. Это новая реальность, к которой приходится приспосабливаться и российским, и китайским предпринимателям.

Пандемия объективно усилила стремление обоих государств к развитию он-лайн кооперации. Налицо успешные инициативы местных администраций с обоих берегов Амура о совмещении административных и современных, дистанционных методов при реализации трансграничных проектов. Так, в августе 2019 г. Китай создал в Харбине Хэйлунцзянскую пилотную зону свободной торговли, основной целью которой является формирование центра регионального сотрудничества с Россией и Северо-Восточной Азией. Активно развивается ЗСТ г. Хэйхэ, приграничного с Амурской областью, специализирующаяся на развитии трансграничной онлайн торговли и др.⁴.

В до пандемический период в отношении российского Дальнего Востока наблюдалась невысокая инвестиционная активность. Накопленный объем прямых инвестиций с 2014 по 2019 гг. из КНР вырос в регионе в 2,5 раза (с \$247 до \$619 млн), доля КНР в общем объеме ПИИ в ДВФО составляла менее 1 %., а в созданных территориях опережающего развития и свободном порту Владивосток по факту реализовы-

валось в 2019-2020 гг. 45 проектов, в которые китайский бизнес вложил менее \$300 млн [3].

Китайские эксперты изучили препятствия для китайских вложений в сибирско-дальневосточные субъекты. По их мнению, существуют четыре группы рисков: 1) противоречивая законодательная база и судебная система; 2) высокие налоги и необоснованные сборы; 3) неэффективное государственное управление, громоздкие процедуры и длительные циклы оформления проектов; 4) слабо развитая инфраструктура на Дальнем Востоке⁵.

Большая часть указанных препятствий постепенно демонтируются в плане упрощения оформления и сокращения сроков сделок, развития транспортной инфраструктуры. Однако, отдельные китайские претензии справедливы, — в российских восточных регионах, к сожалению, сохраняется недостаточно развитая инфраструктурная сеть с низким качеством дорог. Существуют нестыковки по логистике, проблемы коррупции и др. В Китае в настоящее время происходит определенная «раскрутка» существующих в российском налоговом законодательстве новых льгот для инвестиционных проектов на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе. Например, статей налогового законодательства, по которым иностранные инвесторы, вложившие на Дальнем Востоке более 50 млн р. в течение трех лет или более 500 млн р. в течение пяти лет, получают льготы по налогу на прибыль и другие преференции [4].

Китайское видение Сибири и Дальнего Востока, способы и формы его освоения не всегда совпадает с российским. Принципиально важно, опираясь на политическую волю и взаимное доверие, откровенно и честно разбирать все несовпадающие, чувствительные «точки» и противоречия, существующие, как на уровне совместной кооперации, так и в сфере китайской бизнес-политики в сибирско-дальневосточных регионах.

Главными «окнами» России в Китай являются китайские провинции Хэйлунцзян, Цзилинь и Автономный район Внутренней Монголии (АРВМ), уровень кооперации с которыми после открытия переходов через Амур явно повысится. Завершено строительство автомобильного «Хэйхэ — Благовещенск» и железнодорожного «Нижнеленинское — Тунцзян» переходов через Амур, которые в ближайшее время будут сданы

⁴ Зона свободной торговли Хэйхэ развивает международную он-лайн торговлю. URL: https://www.chinalogist.ru/news/zona-svobodnoy-torgovli-heyhe-razvivaet-mezhdunarodnuyu-onlayn-torgovlyu-20254.

⁵ 中国企业在俄罗斯远东地区的投资与风险 [Инвестиции и риски китайских компаний на Дальнем Востоке] https://www.investgo.cn/article/yw/tzyj/202007/497176.html.

в эксплуатацию. Задачи местных властей с обеих сторон постоянно диверсифицировать эту кооперацию, находить качественно новые опции и направления, включая оживление торговых и логистических направлений, работу Территорий Опережающего Развития (ТОР), Свободный Порт Владивосток (СПВ), новых межрегиональных проектов.

Заключение

Россия и Китай давно вышли за рамки узких, двусторонних форматов и являются государствами, формирующими как глобальную, так и региональную повестку многополярного мира [5]. Оба государства — активные защитники сохранения международного права и институтов глобального управления, включая ООН и его Совет Безопасности. США явно настроены на демонтаж международно-правовой системы и замену ее некими искусственными «правилами поведения» государств, подстраиваемые под интересы «коллективного Запада» в ущерб России и Китаю.

За 20 лет действия Договора «О добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» стороны сумели выстроить эффективную совместную защиту общих интересов и отстоять многосторонность как ключевой подход к разрешению международных проблем. Одновременно, стороны создали многоуровневый механизм стратегического партнерства, включая высокий государственный, а также уровни межправительственных отраслевых комиссий и уровень представителей общественных организаций, обществ дружбы и др. В создании военно-политического союза в настоящее время нет необходимости.

Важным остается и влияние встреч российского и китайского руководителей в плане ускорения решения международных региональных вопросов. Так, результатом переговоров на высшем уровне в свое время стало развитие евразийского трека российско-китайского сотрудничества. Стороны заявляют о желании совместно развивать и осваивать большое евразийское пространство, совмещая проекты Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС) и китайской инициативы Пояса и Пути.

В этом же ряду особое значение имеет координация в рамках встреч на высшем уровне российского и китайского руководителей наиболее острых вопросов Сирии, Афганистана, особенно в связи с выводом американских войск, Корейского полуострова, ядерной программы Ирана и др. Особое внимание руководителями РФ и КНР традиционно уделяется развитию Шанхайской Организации Сотрудничества, которой в этом году исполнилось 20 лет со дня ее образования и структуре БРИКС.

Двусторонние российско-китайские отношения базируются на поддержании высокой интенсивности и многообразия политических, экономических и гуманитарных контактов друг с другом; позиционировании на мировой арене в качестве самодостаточных и влиятельных центров силы; быстрой адаптации партнерства под решение практически любой глобальной или региональной задачи. Российско-китайская модель сотрудничества образца 2021 г., несмотря на отрицательное влияние пандемии коронавируса, сохраняет гибкость, способна сочетать тактические и стратегические выгоды и возможности партнерства.

Список использованной литературы

- 1. 王毅. 中俄战略合作没有止境、没有禁区、没有上限. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbzhd/t1844069.shtml [Ван И. Китайско-российское стратегическое сотрудничество не заканчивается, нет запретной зоны, нет потолка / И. Ван. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbzhd/t1844069.shtml].
- 2. Лузянин С.Г. Поглощение, сопряжение или конфликт? ШОС, китайский проект «Шелкового Пути и ЕАЭС: варианты взаимодействия в Евразии»: итоговый экспертно-аналитический доклад по проекту РФФИ№ 16-07-000241 / С.Г. Лузянин. URL: https://www.ifes-ras.ru/images/stories/2018/report_2018_luzyanin_s_g.pdf.
- 3. Ларин В.Л. «Китайская экспансия» в восточных районах России в начале XXI в. через призму компаративистского анализа / В.Л. Ларин. DOI 10.24411/2221-3279-2020-10015 // Сравнительная политика. 2020. Т. 11, № 2. С. 9–27.
- 4. 李勇慧, 倪月菊. 俄罗斯远东超前发展区和自由港研究 // 欧亚经济 / 2019 年第 5 期. [Ли Юнхуэй. Исследование зоны опережающего развития и свободного порта Дальнего Востока России / Ли Юнхуэй, Ни Юэцзюй // Экономика Евразии. 2019. Вып. 5. С. 60–74].
- 5. Лузянин С.Г. Россия Китай; формирование обновленного мира / С.Г. Лузянин. Москва : Весь Мир, 2018. 328 с.

References

- 1. Wang Yi. China-Russian strategic cooperation has no limits, no forbidden zones. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbzhd/t1844069.shtml (In Chinese).
- 2. Luzyanin S.G. Acquisition, Juxtaposition or Conflict? The Shanghai Cooperation Organization, Chinese Silk Road Project and the Eurasian Economic Union: Options for Interaction in Eurasia. Available at: https://www.ifes-ras.ru/images/stories/2018/report_2018_luzyanin_s_g.pdf. (In Russian).
- 3. Larin V.L. "Chinese Expansion" in the Eastern Regions of Russia at the Beginning of the XXI Century: through the Prism of Comparative Analysis. Sravnitel'naya politika =Comparative Politics Russia, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 9–27. (In Russian).
- 4. Li Yonghui, Ni Yueju. Research of the Far Eastern territory of advanced development and free port. $\bar{O}u$ yà $j\bar{i}ngj\hat{i}$ = The Economy of Eurasia, 2019, vol. 5, pp. 60–74. (In Chinese).
  - 5. Luzyanin S.G. Russia and China Forming a Renewed World. Moscow, Ves` Mir Publ., 2018. 328 p.

Информация об авторе

Лузянин Сергей Геннадьевич — доктор исторических наук, профессор, Национально-исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, e-mail: Luzyanin.sergey@mail.ru.

作者信息

Sergey G. Luzyanin — 史学博士,教授,俄罗斯国立研究大学高等经济学; 院莫斯科国立国际关系学院俄联邦外交部直属大学,莫斯科,俄罗斯联邦,邮箱: Luzyanin.sergey@mail.ru.

Author

Sergey G. Luzyanin — D.Sc. in History, Professor, National Research University "Higher School of Economics", Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: Luzyanin.sergey@mail.ru.

Для цитирования

Лузянин С.Г. Российско-китайское партнерство образца 2021 года: глобальные, региональные и двусторонние измерения / С.Г. Лузянин. — DOI 10.17150/2587-7445.2021.5(3).151-159 // Российско-китайские исследования. — 2021. — Т. 5, № 3. — С. 151–159.

For Citation

Luzyanin S.G. Russia-China Partnership 2021: Global, Regional and Bilateral Dimensions. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2021, vol. 5, no. 3, pp. 151–159. (In Russian). DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(3).151-159.